

ЧЕЛОВЕК МЯТЕЖНОЙ ЖИЗНИ

Б. БРАЙНИНА

переживал не только умом и сердцем, но буквально всем организмом. Он вступал в бой с поднятым забралом, когда угодно и с кем угодно, невзирая на обстоятельства и лица.

Тяжелобольной, после бессонной ночи и вызова неотложной помощи, он мужественно звонил по телефону, диктовал письма, работал, негодовал, жалел, помогал, призывал к ответу.

В один из таких дней я зашла к нему. Он сидел в своем кабинете, его маленькая, исхудавшая фигурка тонула в большом кресле; ввалившиеся щеки, посиневшие губы, а глаза колючие, яркие, голубые-голубые. Такие глаза всегда у него означали внутренний бунт, мятеж. Окажется, утром доложили ему, что литератор, которого он ценил и у которого очень больна жена и плохие жилищные условия, обойден вниманием руководства Союза писателей.

— Я пойду туда сам и заставлю позаботиться о человеке!

То были первые грозные слова, которыми он меня встретил после краткого приветствия.

— «Федор Васильевич умеет выбирать врагов!» — сказал о вас один остряк. И, пожалуй, с ним можно согласиться, — пошутила я.

Шутку он любил всегда. Сейчас она пришлось ему особенно по вкусу; он был доволен и горд:

— А что ж, врагов-то выбирать труднее, чем друзей. Возникают опасные ситуации. Но я, как известно, не из пугливых. Таков уж уродился.

Главной темой, вокруг которой возникали самые яростные мятежи, самая страстная полемика, бури-вихри утверждений и отрицаний, негодований и восторгов, была тема рабочего класса, вернее, тема характера рабочего-революционера.

Мало кому известен цикл очерков Gladkova о рабочих уральских заводов периода Отечественной войны. «Чуткое сердце», «С огнем в душе», «Беспокойный характер», «Талант вооружен», «Рождение характера», «Командир производства», «Новое в труде», «Двое из лучших», «Вдохновенные мастера», «Слет победителей» — один перечень названий очерков уже говорит об их содержании. Эти победители — вдохновенные мастера и новаторы с огнем в душе — преимушественно рабочая молодежь.

Вот комсомолец Владимир Зайцев — многостаночник: и токарь, и фрезеровщик, и строгаль, и зуборезчик. Он сам непрерывно учится и в то же время, как прирожденный педагог, учит совсем юных рабочих.

«Белокурый, тощенький, но сбитый крепко уралец, убедительно говорит о «теории», о «формулах», которые немедленно же воплощаются в интересные приемы работы, в вещи, в сверкающие детали. Он радуется, как подросток, когда парнишка раскрывает формулу и она оживает перед ним в осязательном образе».

Он знает, что самое главное — пробудить в юных чувство рабочей гордости, беспокойную страсть узнать больше и больше, веру в свое мастерство, в свои возможности.

А вот тридцатилетний декабрист Алексей Глебов — «поэт своей жизни» и поэт своей профессии.

«Глебов — интересный собеседник, — пишет Gladkov. — С ним любопытно поговорить о художественной литературе, об искусстве. Он очень горячо и остро ставит вопросы культуры и социалистического воспитания. Для него ценность советского гражданина и хорошего работника определяется степенью одухотворенной любви к труду (разрядка моя. — Б. Б.), уважения к товарищу, стремлением к новому. Он терпеть не может людей самонадеянных, лишенных чувства самокритики, самовлюбленных фразеров. Красота человека — это постоянное творческое искание, целеустремленность, энергия. А всякую борьбу, всякое дело человек должен доводить до конца».

Во время Отечественной войны Gladkov целые дни проводил на уральских заводах, изучая людей и производство, но главным образом людей — рабочую молодежь. Он, по его словам, хорошо мне запомнившимся, часами смотрел на руки рабочих — «руки кудесников, одухотворяющие движение станков».

Как любил Федор Васильевич эту трудовую гвардию Урала! С каким восторгом он рассказывал мне о ней, показывая письма рабочих (переписка длилась до самого конца жизни писателя), как отец гордился их дальнейшими успехами!

Помню, прочитав одно из писем, он сказал:

— Какая творческая находчивость, какой горячей прибор вдохновения, изобретательности, мятежного беспокойства. И в то же время — какая скромность! Ни одной громкой фразы — все искренне и просто. Эти люди рождены, чтобы преодолевать, казалось бы, непреодолимое.

Понятны гнев и возмущение, которые вызывали у Gladkova повесть и очерки, где опрошались, обеднялись, показывались крайне односторонне внутренний мир ра-

бочего человека. Здесь уже никакая защита не помогала, о скидках на талант и на молодость он и слышать не хотел.

«Начиная с «Цемент» и кончая «Мятежной юностью», — писал мне Gladkov (письмо от 18 июня 1956 г.), — я прежде всего, по мере сил моих, конечно, стремился и стремлюсь раскрыть психологию человека, внутренний мир рабочего-революционера до Октября, и новое, более сложное качество его интеллигентности в советское время. Неумные книжки, где передовой рабочий представлен неким бездумным здоровяком, одним лишь мышечным напряжением добывающим сказочные рекорды, звучат глупо и фальшиво. «Шапками закидаем» — подтекст такого рода сочинений. Какое придурковатое мещанство! Все это не только комически наивно, эмоционально неграмотно, но и политически вредно. Душа кипит и протестует...»

Рабочий-революционер был всегда для Gladkova, по его же крылатому выражению, «мастером правды». Здесь основа его эстетики, фундамент для того нового эстетического материка в искусстве, который был открыт Октябрьской революцией.

Лучшие произведения Gladkova о «мастерах правды» — в первую очередь роман «Цемент» — переведены на многие иностранные языки, известны далеко за пределами нашей страны. На посмертном юбилее Gladkova (21 июня 1963 года), когда отмечалось его восьмидесятилетие, шла речь и о том, что «Цемент» и теперь «чрезвычайно влияет на людей всего мира», раскрывая душевную красоту советского человека.

Через восемь лет (в июне 1971 года) замечательная болгарская революционерка, большой и почетный друг советского народа Цола Драгойчева рассказала мне и Дмитрию Благовому, чем была для нее «Цемент»:

— Когда я сидела в фашистской тюрьме, Георгий Дмитров прислал мне роман Gladkova «Цемент», переведенный на немецкий язык, так как книги на русском языке в тюрьме не допускались. Чтобы прочесть «Цемент», я изучала немецкий язык. До сих пор я так хорошо помню этот роман, что могу процитировать из него любое место. Первые новые люди Советской Страны, с которыми я познакомилась и сдружилась, были герои «Цемент».

Труд, священный труд, одухотворенный революционной идеей, воспитывающий умы и сердца людей, стал главной темой Федора Gladkova, которой он остался верен до конца своих дней.

В ДЕКАБРЕ 1958 года, в день ухода в больницу, из которой он уже не возвратился, Федор Васильевич Gladkov позвонил мне и попросил переговорить с Г. И. Владыкиным — тогда директором Издательства художественной литературы — об издании дополнительного тома его собрания сочинений (восемь томов к тому времени уже вышли). Gladkov хотел включить в этот том фрагменты из незаконченной повести «Мятежная юность» и «Письма о Днепрострое» (очерки о строительстве Днепровской ГЭС), которые отдельной книгой вышли в 1931 году и потом по не зависящим от автора обстоятельствам ни разу не переиздавались.

— Эти очерки об изумившей тогда весь мир невиданной еще трудовой энергии молодого рабочего класса Страны Советов мне кровно дороги и сейчас, спустя более тридцати лет. Они не переиздавались, о них забыли... Я же — позитивный педагог, и вопросы воспитания наследников и наследниц наших — для меня на первом плане всегда. Строительство Днепровской ГЭС было началом того чудотворного единства трудолюбия физического и трудолюбия мыслительного, которое является характерным и, если хотите, блистательным качеством рабочего нового типа — советского рабочего. Качество это надо беречь, хлелеять, воспитывать в молодых людях, возможно, еще с большей энергией теперь, чем прежде... Что касается «Мятежной юности», то мне очень горько, что болезнь помешала закончить эту повесть о предреволюционных мастерах правды — о рабочих-революционерах, воспитавших, конечно, не только мою мятежную юность, но и юность всего многомиллионного простонародья, вынашивавшего, готовившего Октябрьскую революцию...

Gladkov говорил тихо, медленно, с одышкой — ему трудно было говорить после почти шестисуточного голодания, болезнь не позволяла глотать даже воду. И все же голос его звучал отчетливо, внушительно, на отдельных словах, которые ему представлялись особо существенными, он делал ударение, подчеркивал их повторением.

На другой же день я передала разговор с Gladkovым Григорию Ивановичу Владыкину, и тот сразу с горячей готовностью пошел навстречу желанию писателя. В результате в 1961 году появился односторонник Gladkova, куда, помимо «Мятежной юности» и «Писем о Днепрострое», вошли и другие очерки, статьи, воспоминания из архива писателя.

Gladkov любил рассказывать о своей мятежной юности, но и старость его до самых последних дней была не менее мятежной. Он всегда жил, как говорят, на обнаженных нервах. Любую, в его представлении, ошибку, фальшь, несправедливость в литературной и общественной жизни он переживал, как личную обиду,